

С сербского на сербский: Милорад Павич и его перевод Песен западных славян Пушкина

*Du serbe en serbe : Milorad Pavić et sa traduction des Chants des Slaves
d'ouest de Puškin*

*Translating from Serbian into Serbian: Milorad Pavić and his translations of
Puškin's Songs of the Western Slavs*

Ana Jakovljević Radunović

🔗 <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=517>

DOI : 10.35562/modernites-russes.517

Electronic reference

Ana Jakovljević Radunović, « С сербского на сербский: Милорад Павич и его перевод *Песен западных славян* Пушкина », *Modernités russes* [Online], 20 | 2021, Online since 23 août 2022, connection on 11 juillet 2024. URL : <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=517>

Copyright

CC-BY

С сербского на сербский: Милорад Павич и его перевод Песен западных славян Пушкина

Du serbe en serbe : Milorad Pavić et sa traduction des Chants des Slaves d'ouest de Puškin

Translating from Serbian into Serbian: Milorad Pavić and his translations of Puškin's Songs of the Western Slavs

Ana Jakovljević Radunović

OUTLINE

Переводы Пушкина на сербский язык

Павич и Пушкин

Сербский романтизм и Пушкин

Переводческий цикл Павича Сербские песни Пушкина

TEXT

Переводы Пушкина на сербский язык

- В сербских переводах поэзия Пушкина существует около 185 лет. Первое упоминание о Пушкине в форме небольшой пометки в Хрониках Матицы Сербской относится к 1825 году. Переводы, наряду с литературно-критическими статьями и монографиями, содействовали интенсивному восприятию русского классика. Беспрецедентным является тот факт, что в наши дни интерес к переводу произведений Пушкина на сербский язык не слабеет, а увеличивается¹. Немалую роль в популярности русского поэта в Сербии сыграло мастерство сербских поэтов-переводчиков. Стихи Пушкина переводили: Йован Йованович Змай, Драгутин и Воислав Илич-младший, Йован Дучич, Десанка Максимович, Милован Данойлич, Любомир Симович, Владимир Ягличич и Зоран Костич [Базилевский, 2015: 52]. Трудно переоценить вклад в восприятие творчества Пушкина в Сербии второй половины

xx века (точнее, в Югославии) исследований и переводов Милорада Павича.

- 2 В обзорной статье «Когда и как сербы переводили Пушкина» (2012) Богдан Косанович заметил, что интерес сербов к творчеству и трагической судьбе поэта прошел через несколько этапов и предшествовал полным и знаменитым переводам его произведений. До конца XIX века сербские газеты и журналы публиковали стихи Пушкина в оригинале на русском языке, считалось что русский и сербский достаточно родственны. Первым переводом произведения Пушкина на сербский язык является *Полтава* в прозе, опубликованная в 1836 году. Перевод анонимный, предположительно писателя Йована Стеича, врача по профессии; имеет он лишь историческое значение². В прозе был осуществлен и второй перевод: Божидар Петранович перевел стихотворение Пушкина *Дочери Карагеоргия* и назвал его *Джордже Черный*. Стихотворный перевод Милоша Поповича вышел только в 1846 году [Косановић, 2012: 262-271].
- 3 В 1920-1930-е годы процветанию культа Пушкина в Сербии активно способствовали русские эмигранты. Они публиковали произведения поэта, начинали переводить их на сербский, изучали Пушкина в русских и смешанных русско-сербских школах [Косанович, 2005: 29-39; Сибиновић, 2015: 17-49]. Начиная со второй половины XX века качество и количество переводов увеличилось, квалифицированные переводчики уже преодолели большую часть трудностей при переводе на сербский обширного и жанрово разнообразного творчества русского классика.
- 4 Лучший сербский перевод *Евгения Онегина* принадлежит Милораду Павичу. Текст был опубликован в 1957 году и сразу получил положительные отзывы, прежде всего потому, что автор *Хазарского словаря* окончательно разрешил болезненную проблему передачи четырехстопного ямба и онегинской строфы на сербский язык. Павич считается переводчиком, который, «отражая метрические свойства оригиналов, выражает к нему пиетет» [Сибиновић, 2012: 156]. Ввиду акцентной структуры сербского языка, он заменил мужские рифмы женскими, сохранив таким образом четырехстопный ямб оригинала и

аранжировку рифмы онегинской строфы. Во второй части, в путешествии Онегина, переводчик сохранил мужские рифмы, полностью перенеся форму *Евгения Онегина* на сербский язык. В статье «Сербские переводы Евгения Онегина» Миодраг Сибинович³ заметил:

Тот факт, что современная сербская культура получила пятьдесят пять лет назад столь зрелый перевод Милорада Павича, не означает, что истинное сближение не будет продолжаться [...], и что в какой-то момент, когда для этого будут созданы все предпосылки, у нас не появится столь же прекрасного перевода, или, как бы сложно это ни казалось, лучшего варианта «сербского» *Евгения Онегина*. Однако сам за себя говорит и тот факт, что в течение более полувека этот лучший перевод так и не появился⁴ [Сибиновић, 2012: 172].

- 5 Благодаря самоотверженному труду Милорада Павича, вышло в свет первое издание избранных произведений Александра Пушкина на сербском языке с предисловием редактора и переводчика (1963, переиздание в 1966 году). После десятилетия, отмеченного многочисленными переводами произведений русской литературы на сербский язык [Голубовић, 2016: 113–122], под редакцией сербского писателя появилось и первое *Собрание сочинений Александра Пушкина* в восьми книгах, с рисунками Александра Пушкина (1972, переиздано в 1979).

Павич и Пушкин

- 6 Перевод с русского стал мощным импульсом к развитию поэтики и творческого мировоззрения Милорада Павича. В произведениях сербского прозаика можно обнаружить множество интертекстуальных связей с русской культурой; эти связи прослеживаются на разных уровнях его произведений и принимают форму игры, пародии или гротеска [Николич, 2017]. Интертекстуальность означает для Павича игру с традицией и диалог культур, прежде всего славянских. Лариса Савельева, переводчик Павича на русский, указывала на то, что Павич «несколько сентиментально склонен считать себя родственником русской литературы» [Шарый, 1999]. Откуда подобное отношение

к русской литературе? Во-первых, Павич много и часто переводил с русского, особенно поэзию; во-вторых, «сербам по штатному расписанию положено говорить о любви к России, о том, что они духовно вышли из русской культуры» [Шарый, 1999]. Столетнее восприятие пушкинского творчества у сербов достигло апогея именно в эмигрантском культе Пушкина: «...эмигранты считали Пушкина гением. Он был для них не только мэтром, но и пророком, у которого надо искать ответ на все жгучие вопросы» [Косановић 2005: 37]. Как отмечает Т. Попович, пушкинское понятие *фатума* стало важнейшим творческим принципом произведений Павича, а «в юности сербский прозаик был уверен, что ему надо повторить творческий путь Пушкина» [Попович, 2014: 64]. Часто для материала своих текстов Павич использовал либо произведения русского поэта, либо факты и события его биографии⁵.

- 7 После блистательного перевода Евгения Онегина в 1963 году по инициативе поэта и редактора серии *Мировая классика* Миодрага Павловича последовали *Избранные произведения Пушкина*, где Павич выступает в роли редактора, автора предисловия и переводчика большинства стихотворений и трех поэм: *Цыганы*, *Полтава* и *Домик в Коломне*. В данном издании, во второй части под заглавием *Песни западных славян и некоторые другие*, Павич перевел шесть стихотворений : *Простишь ли мне ревнивые мечты...*, *Под небом голубым страны своей родной...*, *Для берегов отчизны дальной...*, *Дочери Карагеоргия*, *Воевода Милош* и *Бонапарт* и *Черногорцы*, включив в такой своеобразный цикл стихотворение *Влах в Венеции* в переводе Ж. Петровича. Павич стал редактором и *Собрания сочинений* в восьми книгах (1972), в котором естественно были опубликованы все шеснадцать песен цикла *Песни западных славян* вместе с предисловием Пушкина. В переиздании собрания сочинений Павич добавляет свой перевод *Песни о Георгии Черном*, краткий текст «Сербские песни Пушкина» и добавляет в качестве введения биографию Пушкина.
- 8 Одно из итоговых произведений сербского прозаика Роман как *державна* опубликовано на русском в 2004 году и содержит главу «Три русско-сербские темы» с тремя текстами о темах, которые вдохновляли и интриговали как Павича-писателя, так и

Павича-литературоведа: 1. «Орфелин, один из писателей библиотеки Пушкина», 2. «Симеон Пишчевич, русский генерал и сербский писатель», 3. «Сербские песни А. С. Пушкина» [Павич, 2004: 125-202]. Три упомянутые темы пронизывают тексты произведений Милорада Павича, они же также сыграли существенную роль в отборе материала для перевода из богатого поэтического наследия Пушкина.

Сербский романтизм и Пушкин

- 9 Предисловия к изданиям 1963 и 1972 годов раскрывают дверь в творческую лабораторию переводчика и ученого-филолога Милорада Павича. Диссертацию Воислав Илич и *европейский романтизм* Павич защитил в 1966 году, а в предисловии к переводам Пушкина 1963 года он писал об особенностях сербского романтизма. По словам Павича, западноевропейский и сербский романтизмы находились в своего рода противоположных, но взаимодополняющих отношениях. Отличительной чертой сербского являлся тот факт, что в литературе Сербии, замкнутой и немеждународной, на домашней почве выросли те элементы романтизма, которые западноевропейская литература искала тогда в народной поэзии разных народов. Именно поэтому «сербский романтизм, не выстраиваясь в настоящее романтическое движение, в какой-то мере (развивая культ народных песен и вкус к экзотике) повлиял на формирование климата, создавшего европейский романтизм» [Павић, 1963: 7-8]. По мнению Павича, романтизм сербского закрытого типа повлиял на европейский романтизм, он «был более знаком европейским романтикам и захватывал их воображение, чем они были знакомы и близки ему» [Павић, 1963: 7-8].
- 10 Павич проследил параллельные процессы в сербском романтизме и в творчестве Пушкина. В сербской литературе переход к реализму был не таким большим потрясением, как на Западе, отмечает он, поскольку сербский романтизм (особенно в прозе), в отличие от западноевропейского, был «трезвым» и рационалистическим направлением, в равной степени школой ума и школой сердца. Переход от романтизма к реализму в

творчестве Пушкина похож на смену двух направлений в сербской литературе:

Творчество Александра Пушкина можно понять, только если иметь в виду тот парадокс, что его романтизм совпадал с вполне рациональными реалистическими концепциями, принадлежа «школе ума» [...]. В этом одна из главных характеристик поэзии Александра Пушкина, одно из его достоинств и одновременно его единственный серьезный недостаток [Павић, 1963: 8–9].

- 11 Интерес Пушкина к югу соответствовал отличительным чертам европейского романтизма. Павич подчеркивает, что такие романтические «открытия», как народная поэзия или экзотический Восток, не были для Пушкина чужими неведомыми мирами, а вполне близкими, почти домашними явлениями. Пушкин знал и читал западных романтиков, которые воспевали далматинские пейзажи и переводили сербо-хорватскую народную поэзию. Байрон и его герои, друзья и читатели Мериме, персонажи мадам де Сталь – все они бывали на Средиземноморье, в Греции, Далмации, Турции, Албании, России, Персии и находили там пищу для своих романтических натур. Русский писатель и его герои, не покидая своего окружения, испытали противоречия «закрытого» романтизма дома, на юге Российской империи, на Кавказе, в Крыму, в Кишиневе и на персидской границе. В итоге, замечает Павич, Чайльд Гарольд отправляется в паломничество по восточной Европе, а Онегин путешествует по России с севера на юг, до Крыма и Кавказа.
- 12 Переводческая деятельность сербского писателя помогала ему понять и аргументировать динамику эволюции русской литературы от Пушкина до Достоевского.

Переводческий цикл Павича Сербские песни Пушкина

- 13 В предисловии к Собранию сочинений в восьми книгах Павич пишет:

Многие народы и страны привлекали его [Пушкина] внимание. Сербь и сербские народные песни занимают одно из самых видных мест среди этих интересов. Им посвящен сборник пушкинских стихов под названием *Песни западных славян* [Pavić, 1972: 32].

- 14 Книга Мериме Гюзла, или *Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине*, которая легла в основу пушкинского цикла *Песни западных славян*, не является собранием подлинно фольклорных произведений. Парадокс с пушкинским переводом произведений Мериме заключается в предполагаемой реконструкции несуществующего оригинала⁶. *Песни* дошли до Пушкина при посредстве Проспера Мериме, переводившего сербские тексты на французский язык. *Песни западных славян* можно рассматривать как диалог Пушкина и с культурой славянского народа, и с французской культурой. Налицо здесь и диалог между двумя писателями, он проявляется в принципиально различном отношении обоих к сербскому фольклору. Вопрос о подлинности текстов Мериме не имел для Пушкина принципиального значения [Муравьева, 1983: 153]. Павич придерживается мнения, что при работе над *Песнями западных славян* Пушкин не стремился перевести как можно точнее произведения Мериме, он хотел, чтобы его стихи идентифицировались русскими читателями как фольклорные. В обход Мериме Павич развивает собственный диалог с Пушкиным, выявляя родство творческих порывов двух движимых общими интересами писателей:

Кроме истории сербско-русских литературных связей в них [книгах Павича] есть разделы и по истории сербского устного творчества. Как писатель, я очень интересовался устным творчеством, балканской мифологией [Романова, 2002].

- 15 Павич трактует *Песни западных славян* не как простое переложение текстов Мериме, так как фактически «это просто мистификации, плоды воображения Мериме, окрашенные нашими именами, выражениями и соответствующими темами» [Pavić, 1972: 36]. Он доказывает, что когда Пушкин взялся за

перевод Мериме, он знал о сербской народной поэзии гораздо больше, чем французский писатель.

- 16 Павич-переводчик сформировал собственный цикл *Сербские песни Пушкина*, в состав которого вошли: 1. стихотворения *Дочери Карагеоргия* и *Воевода Милош* – о выдающихся фигурах сербской политической жизни начала XIX века; 2. три стихотворения, посвященные Амалии Ризнич: *Простишь ли мне ревнивые мечты...*, *Под небом голубым страны своей родной...*, *Для берегов отчизны дальней...*; 3. стихотворения *Бонапарт и Черногорцы* и *Влах в Венеции*. Внимание Пушкина к сербскому миру было активным и сознательным, вытекающим из представлений о кровном и языковом родстве [Pavić, 1972: 32–33]. Выбор стихотворений в цикле указывает на то, что для переводчика важно знакомство русского поэта с сербской историей и, если так можно выразиться, с нефольклорной действительностью.
- 17 Жизнь русского поэта воспринималась Павичем не только как совокупность биографических фактов, но и как особый житнетворческий принцип, вписанный в его прозу и поэзию. Для переводов Павич выбирал стихотворения, связанные с точками соприкосновения поэта и сербов.
- 18 Первая точка – история прадеда поэта Абрама Ганнибала. Павич напоминает о том, что русский граф и дипломат сербского происхождения Савва Владиславич Рагузинский (1664–1738) вошел в историю как человек, купивший абиссинского мальчика и подаривший его русскому послу, который отправил того в дар Петру Первому [Pavić, 1972: 31]. Встреча Рагузинского с Ганнибалом произошла в Константинополе, месте символическом для Павича. Писатель, в творчестве которого нет движения в пространстве, только во времени, отмечает город Константинополь как точку соприкосновения сербов с Пушкиным, как точку, в которой сербское и российское прошлое сходятся с будущим. Он писал об этом, например, в романе *Последняя любовь в Константинополе*.
- 19 Следующая точка соприкосновения – сербские знакомства Пушкина в Кишеневе. В конце 1820-х у молодого поэта, прибывшего на место южной ссылки, были личные причины,

заставлявшие его интересоваться сербской тематикой и политикой на Балканах. В те годы сербские народная поэзия и революция (1804-1815) были в центре внимания всей Европы, а Пушкин оказался в городе, полном болгар, турок, греков и сербов, которые после краха первого восстания в 1813 году переехали с Карагеоргием и другими лидерами восстания в Бессарабию. В уже упомянутом тексте «Три русско-сербские темы» Павич выделил важное для его поэтического видения мира «пересечение» – в одно время с Пушкиным в Бессарабии находились выдающиеся фигуры сербской политической жизни Яков и Еврем Ненадовичи, секретарь Карагеоргия Яникий Джурич, воеводы Цинцар-Янич, Иован Рашкович и Петар Добрянц, митрополит Леонтий [Павич, 2004: 125-202]. Младшая дочь Карагеоргия – Стаменка – жила в то время недалеко от Кишинева в Хотине. Пушкин слышал рассказы о ней и посвятил ей одну из своих «сербских песен», «введя в свою поэзию легендарный и мифологический образ главы сербской революции» [Pavić, 1972: 34]. Как мы уже отмечали, в сербское издание Пушкина 1963 Павич включил *Дочерей Карагеоргия*, пример раннего пушкинского стихотворения на сербскую тему, переросшую впоследствии, по определению предисловия 1972 года, в «особую форму» цикла *Песни западных славян*:

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин
[Пушкин, 1950а: 14].

Strah meseca, slobode vojnik predan,
Divni i strašni otac tvoj,
Pokriven svetom krvlju, prestupnik i heroj,
I užasa je i slave ljudi bio vredan.
[Pavić, 1972: 57]

- 20 Важной частью сербского эпоса являются «юнацкие песни» о важнейших событиях истории и подвигах народных героев. Пушкин слышал от сербских повстанцев рассказы и песни о «восстании против дахий», о Карагеоргии и Милоше Обреновиче,

а в Измаиле ему «молодая девушка, двоюродная сестра серба Славича, пела сербские народные песни и переводила их на русский язык» [Pavić, 1972: 33]. По мнению Павича, источником стихотворения о герое современной Сербии воевода Милоше послужила книга Вука Караджича *Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского*, изданная в Санкт-Петербурге в 1825 году; Милош пушкинского стихотворения лишен трагизма⁷. В сербском тексте *Дочерей Карагеоргия* мы наблюдаем чуть ли не единственное исключение из переводческого метода Павича: один эпитет оригинала – «чудесный» – он переводит двумя словами: «divni i strašni». Таким образом Павич передал благоприятное отношение Пушкина к «преступнику и герою» Георгию Петровичу Черному, личности неоднозначной, трагической и почти мифической.

- 21 В 1823 году в Одессе Пушкин познакомился с женой сербского купца Амалией Ризнич. Павич уделяет особое внимание образу «негоциантки молодой», выделив в особый цикл три элегии, связанные с Ризнич: *Простишь ли мне ревнивые мечты..., Под небом голубым страны своей родной... и Для берегов отчизны дальней...*, а в предисловии он подробно освещает личность ее мужа. Йован Ризнич был учеником Доситея Обрадовича, а также человеком, через которого Вук Караджич отправлял свои книги сербам в Бессарабию. Богатый купец, получивший прекрасное образование в итальянских университетах, был директором одесской оперы и одним из выдающихся деятелей Одессы. Исследователи до и после Павича считали, что Амалия Ризнич итальянка или немка, но Павич приводит свидетельство Алимпия Васильевича, утверждающего, что она сербка из Воеводины. Выбирая персонажей и исторические факты, которые возможно прямо или косвенно связать с Пушкиным, Павич описывает историю внучки «первой Амалии», в которую был влюблён поэт. *Пейзаж, нарисованный чаем* пронизан цитатами и мотивами из *Евгения Онегина* [Николич, 2017: 52-55; Попович, 2014: 68-70].

- 22 Стихотворение *Бонапарт и черногорцы* представляет собой рассказ черногорца о конфликте между французской армией и его соплеменниками. Нетрудно догадаться, – считает Павич, – почему выбор Пушкина пал именно на эту песню: «поэт всю

жизнь помнил русские полки, которые в детстве он сопровождал на войну против Наполеона» [Pavić, 1972: 36]. Выбирая для перевода песню *Бонапарт и черногорцы*, Павич определенно имел в виду тот факт, что в русском переводе Пушкина она звучала намного лучше, чем в оригинале Мериме, а для того чтобы почувствовать особенности сербского стиха, нужно было знать сербский язык и его тоническую систему, отличающуюся от русской:

«Черногорцы? что такое? –
Бонапарту спросил. –
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?...»
[Пушкин, 1950b: 303]

Bonaparta pitao je:
«Crnogorci? – šta je to?
Zar se zbilja sile moje
Ne boji to pleme zlo?»
[Pavić, 1972: 37]

- 23 В отличие от Мериме Пушкин слушал и записывал сербские песни.
- 24 Милорад Павич возвращается к теории точек соприкосновения по поводу сербских корней истории Захария Стефановича Орфелина. Когда в 1834 году Пушкин составлял *Песни западных славян*, он начинал *Историю Петра I* и изучал в этой связи исторические документы. Среди множества других книг им было обнаружено и двухтомное сочинение Захария Орфелина, изданное в 1772 году в Венеции и переизданное в России в 1774 году под названием *История о жизни и славных делах великого государя императора Петра Первого*. Русский поэт был хорошо осведомлен о российско-сербских культурных и политических связях во времена Петра I благодаря работе Орфелина, который уделяет этим отношениям особое внимание. Пушкин одновременно сочиняет стихотворение о Бонапарту и черногорцах и пишет разделы *Истории Петра I*, посвященные черногорско-русским отношениям начала XVIII века, с помощью Захария Орфелина, автора единственной истории Черногории. В

1970 году Павич подготовил к изданию двухтомную биографию Захария Орфелина о Петре Великом.

- 25 Теорию точек соприкосновения Павич подытоживает следующим образом: «Короткий, но всеобъемлющий поэтический путь Пушкина не прошел мимо источников сербской литературы. Вернув его “сербские песни” на язык, который их вдохновил, сегодня мы отвечаем взаимностью Пушкину» [Pavić, 1972: 40].

BIBLIOGRAPHY

Corpus

Павич Милорад, 2004, Роман как держава, Москва, Зебра Е.

Пушкин А. С., 1950а, Дочери Карагеоргия, Собрание сочинений в 10-и томах, т. 2, Стихотворения 1820-1826, Москва-Ленинград, Академия наук СССР.

Пушкин А. С., 1950b, Песни западных славян, Собрание сочинений в 10-и томах, т. 3, Ленинград, Наука с. 284-316.

Пушкин А. С., 1963, Дrame; Поеме; Песме. Књига 12, Избор, предговор и редакција М. Павић, Београд, Просвета.

Puškin A. S., 1972, *Lirika*, Vol. 1. *Sabrana dela Aleksandra Puškina u osam knjiga*. Redakcija dr M. Pavić, Beograd, Rad.

Библиографија

Јаковљевић Радуновић Ана, Голубовић Ана, 2021, «Библиографија проф. др Миодрага Сибиновића», *Славистика* xxv/1. Ред. Људмила Поповић, Универзитет у Београду, с. 25-52.

Голубовић Ана, 2016, «Сабрана и изабрана дела руске књижевности у преводима на српски језик: анализа библиографске грађе», *Museums, Ethics, Library and Information Science, Studies, Archives (MELISSA)*, vol. 15, № 1. Ред. Александра Вранеш, Љиљана Марковић, Универзитета у Београду, с. 113-122.

Косанович Б., 2005, «Восприятие Пушкина в Сербии», *Литературоведческий журнал*, №19. Ред. А. Н. Николюкина, Москва, ИНИОН, с. 29-41.

Мериме П., 1991, Гусле или Избор илирских песама сакупљених у Далмацији, Босни, Хрватској и Херцеговини. Београд, Српска књижевна задруга.

Мериме П., 1963, Гузла, *Собрание сочинений в 6-и томах*, т. 1. Под редакцией Н. М. Любимова, Москва, Огонек, с. 53-146.

Муравьева О.С., 1983, «Из наблюдений над “Песнями западных славян”», *Пушкин: Исследования и материалы*, т. 11, Ред. Д. Д. Благой, В. Э. Вацууро и др. Ленинград, Наука, с. 149-163.

Николич Милица, 2017, *Проза М. Павича и русская литературная классика* («Пейзаж, нарисованный чаем» и «Уникальный роман»), Выпускная квалиф. работа магистра филолога, Санкт-Петербургский госуниверситет, <https://nauchkor.ru/pubs/proza-m-pavicha-i-russkaya-literaturnaya-klassika-peyzazh-narisovalnyy-chaem-i-unikalnyy-roman-5a6f88337966e12684eea2e3>.

Павић Милорад, 1963, «Предговор», А. С. Пушкин, *Драме. Поем. Песме*, Книга 12, Избор, предговор и редакција М. Павић, Београд, Просвета, с. 7-38.

Pavić Milorad, 1972, «Predgovor», *Lirika*, vol. 1. Sabrana dela Aleksandra Puškina u osam knjiga. Red. dr M. Pavić, Beograd, Rad, s. 7-40.

Попович Т., 2014, «А. С. Пушкин – сокровенный герой прозы М. Павича», *Болдинские чтения*. Ред. Н. М. Фортунатова, Нижний Новгород, БегемотНН, с. 62-71.

Романова Алиса, 2002, «Архипелаг Павич. Беседа с Милорадом Павичем и Яминой Михайлович», *Иностранная литература*, № 2, <https://magazines.gorky.media/inostran/2002/2/archipelag-pavich.html>.

Трубецкой Н. С., 1987, «К вопросу о стихе “Песен западных славян” А. С. Пушкина. Примечани Вяч. Вс. Иванова», *Избранные труды по филологии*. Сост. В. А. Виноградов и В. П. Нерознак, Москва, Прогресс, с. 359-370.

Шарый А., 1999, «Милорад Павич. Лексикон XXI века», *Радио Свобода: Поверх барьеров*, <https://www.svoboda.org/a/24200537.html>.

Сибиновић Миодраг, 2015, «Београдски Руски архив у српској и руској култури. Пушкин», *Славистичке теме. Чланци и студије*, универзитет у Београду, с. 17-49.

NOTES

1 В период с 2000 по 2020 годы в Сербии различные издательства публиковали *Евгения Онегина* в переводе Милорада Павича десять раз. Одновременно роман в стихах Пушкина был опубликован четыре раза и в переводе Ристо Одавича.

2 Косанович приводит пример из перевода *Полтавы*: «Кочубей є богатъ и чувень. Очи не могу измѣрити просторъ нѣговы поля, на коима велика нѣгова стада пасу. Нѣгови польски дворови око' Пултаве лѣпимъ су

градинама и садовыма окружени, и силно благо, скупocene коже, свакојка свила, много сребрно посуђе, ту се или човечиємъ оку указуе, или у пунымъ ковчезыма наоди. Али што гордости старчевой найвыше ласка, то нити су нѣгови дугогрови коньи, ни данакъ одъ скитскога народа кримскогъ, ни онолика нѣгова наслѣдствена добра, но само една нѣгова кѣрь, кою лѣпота краси... [Косановић, 2012: 263–264]. Косанович считает, что душераздирающий сентиментально-романтический тон, а также некоторые другие признаки, позволяют предположить, что переводчик переводил не с русского, а с языка посредника. Сербская интеллигенция, в основном, получавшая образование в Вене или Пеште, предпочитала обращаться к немецким источникам.

3 Миодраг Сибинович, крупный сербский славист, историк литературы, критик, эссеист, компаративист, поэт, теоретик перевода и переводчик Пушкина. Книги Миодрага Сибиновича содержат теоретические размышления о переводе как о творческом акте, статусе перевода и его значении для развития сербского языка и языка сербской поэзии [Јаковљевић Радуновић, Голубовић, 2021: 25–52].

4 Здесь и далее переводы с сербского выполнены автором статьи.

5 Пушкин часто «попадает в комнату» и Павича-читателя, и Павича-повествователя. Сербский прозаик пользуется произведениями русского поэта и событиями его биографии в качестве материала для своих повестей *Пиджак морского цвета*, *Принц Фердинанд читает Пушкина* и *Грязи*. Эти повести позже соединились с историческими и литературными цитатами в «кроссворде»-романе *Пейзаж, нарисованный чаем* (1988) [Попович, 2014: 64].

6 Мистификация Мериме была очень искусной; в исследованиях начала XX века доказано, что *Гюзла* – результат обширных фольклорных и этнографических исследований [Муравьева, 1983: 150–151].

7 У Павича было и свое объяснение, почему Милош Обренович не был особенно интересен Пушкину: сербская революция во время подготовки к восстанию под предводительством Ненадовичей и после 1804 года при Карагеоргии, носила международный характер и была тесно связана с греческим движением Гетерия, а второй этап, связанный со вторым сербским восстанием 1815 года под предводительством Милоша Обреновича, означал конец интернациональной концепции революции и ориентацию

исключительно на свои силы и на дипломатические контакты с Турцией, а не с Европой [Павич, 2004: 125-202].

ABSTRACTS

Русский

Милорад Павич – сербский писатель, переводчик и историк сербской литературы XVII–XIX веков, специалист по сербскому барокко и поэзии символизма, является автором лучшего перевода *Евгения Онегина* на сербский язык. Павич считается переводчиком, подходящим к оригиналу с пиететом, с желанием отразить его метрические и ритмические свойства. Сербский автор перевел три стихотворения из цикла *Песни западных славян: Бонапарт и Черногорцы, Песня о Георгии Черном и Воевода Милош*. Все песни сербского цикла Пушкина, как считает переводчик, имеют прямое отношение к биографии поэта. Задача статьи – проследить, какими соображениями руководствовался Павич при переводе стихов Пушкина на сербский язык, и как он создавал свой переводческий цикл – *Сербские песни Пушкина*.

Français

Milorad Pavić est écrivain, traducteur et historien de la littérature serbe, spécialiste du baroque serbe et de la poésie symboliste. Il a effectué la meilleure traduction d'*Eugène Onéguine* en serbe. En tant que théoricien, Pavić estime que le romantisme ne s'est pas manifesté de la même manière dans toutes les littératures slaves et que, dans la littérature serbe, le romantisme est resté un mouvement renfermé sur lui-même et opposé au romantisme occidental. De plus, « le romantisme de type fermé a influencé le romantisme européen plus qu'il n'en a subi l'influence », le romantisme serbe captivait l'imagination les Romantiques européens qui le connaissaient très bien. *La Guzla, ou Choix de poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine* de Mérimée, qui a inspiré à Puškin son cycle *Les chansons des Slaves de l'ouest*, n'est pas une collection d'œuvres folkloriques authentiques, mais une mystification habile de Mérimée. Une étude de V. Jovanović a démontré que *La Guzla* s'appuyait sur des recherches folkloriques et ethnographiques approfondies. Le paradoxe de la traduction des œuvres de Mérimée par Puškin consiste en une présumée restauration de l'original (qui en fait n'existe pas), en une tentative de rapprocher les motifs des textes français de leurs potentiels modèles et des échantillons morphologiques de leur auditeur, sans pour autant les faire coïncider tout à fait, car il est nécessaire de maintenir un écart culturel entre la vision occidentale des Morlaques / Valaques et les textes illyriens authentiques. Pavić prouve que lorsque Puškin s'est attaqué à la traduction de Mérimée, il en savait plus sur la poésie populaire serbe que l'écrivain français. Milorad Pavić a traduit trois chansons du cycle :

Bonaparte et les Monténéggrins, La chanson sur Georges le Noir et Le Voïévode Miloš. Dans *La chanson sur Georges le Noir et Le Voïévode Miloš*, Puškin ne fait appel ni à Vuk Karadžić, ni à Mérimée, car le poète a pour objectif de proposer une interprétation personnelle, libre et artistique du folklore des Slaves de l'Ouest, et toutes les chansons, d'après Pavić, sont directement liées à la biographie de Puškin. Nous retracerons les considérations qui ont guidé le traducteur serbe dans ses études et traductions des poèmes de Puškin.

English

Milorad Pavić is a Serbian writer, translator and historian of Serbian literature of the 17th-19th centuries. He is also a specialist in Serbian Baroque and symbolist poetry and is the author of the best Serbian translation of *Eugene Onegin*. Pavić is among the translators who approach the original with respect, and he strives to render its metrical and rhythmic properties. The Serbian author translated three poems from Puškin's cycle *Songs of the Western Slavs: Bonaparte and Montenegrins, Song about Georgij Černyj and Voivoda Miloš*. According to the translator, all Puškin's Serbian cycle songs, have a direct relation to the biography of the poet. This article deals with the considerations that guided Pavić when he translated Puškin into Serbian. It also deals with how Pavić created his own cycle entitled *Pushkin's Serbian Songs*.

INDEX

Mots-clés

Puškin, Pavić, Mérimée, Chansons des Slaves de l'Ouest, transferts culturels

Keywords

Puški, Pavić, Mérimée, Songs of the Western Slavs, cultural transfers

Ключевые слова

Пушкин, Павич, Мериме, Песни западных славян, культурные трансферы

AUTHOR

Ana Jakovljević Radunović

Maître de conférences au département d'études slaves la faculté des lettres de l'université de Belgrade, traducteur ; principal domaine de recherche : littérature russe du XIXe siècle